

## Ундина — эпизод 12 из 29

Оскорбленный глубоко, священник,  
Строго взглянув на нее, замолчал; испугавшись, Ундина  
С детским смиреньем к нему подошла и шепнула: Послушай,  
Добрый отец, не сердися, мне это так грустно, так грустно,  
Что и сказать не могу я; но будь же со мною, незлобным,  
Робким созданием, так строг; напротив того, с снисхождением  
Выслушай то, что хочу исповедать искренним сердцем.  
Видно было, что тяжкая тайна лежала на сердце Ундины;  
Что-то хотела сказать, но вдруг побледнела и горько,  
Горько заплакала. Все на нее с любопытством смотрели;  
Что творилось с нею, не ведал никто. Напоследок  
Слезы обтерла она и священнику, в сильном волнении  
Сжавши руки, сказала: Отец мой, не правда ль, ужасно  
Душу живую иметь? И не лучше ль, скажи мне, не лучше ль  
Вечно пребыть без души?.. Она замолчала, уставив  
Острый, расстроенный взор на священника. Все поднялись  
С мест, как будто дичась ее; не дождавшись ответа,  
С тяжким вздохом она продолжала: Великое бремя,  
Страшное бремя душа! при одном уж ее ожиданье  
Грусть и тоска терзают меня; а доньше мне было  
Так легко, так свободно. Она опять зарыдала,  
Скрыла в ладони лицо и, свою наклонивши головку,  
Плакала горько, а светлые кудри, скатясь на прекрасный  
Лоб и на жаркие щеки, повисли густым покрывалом.  
С строгим лицом подошел к ней священник. Ундина, сказал он,  
Именем господа бога тебе говорю: исповедуй  
Душу свою перед нами, и если таится в ней злое,  
Бог милосерд, он помилует. Тихим, покорным младенцем  
Стала она перед ним на колена, и, руки сложивши,  
Набожно к небу глаза подняла, и крестилась, и, имя  
Божие славя, твердила, что не было зла никакого  
В сердце ее. Священник сказал, обратясь к Гульбранду:  
Рыцарь, вам поверяю я ту, с которою ныне  
Сам сочетал вас: душою она беспорочна, но много  
Чудного в ней. Примите мой добрый совет: осторожность,  
Твердость, любовь; остальное на власть милосердного бога

С верой оставьте. Сказав, новобрачных священник  
Перекрестил и вышел; за ним рыбак и старушка,  
Также крестясь и молитву читая, вышли. Ундина  
Все еще на коленях стояла в молчанье; когда же  
Все удалились, она потихоньку лицом обернулась  
К рыцарю, кудри раздвинула, мало-помалу, как будто  
В чувство входя, головку свою подняла и уныло  
Очи лазурные, полные слез, на него устремила.  
Милый, ты, верно, также покинешь меня, прошептала  
Робко она, но чем же я, бедная, чем виновата?  
Руки ее так призывно, так жарко к нему поднялись,  
Взоры ее так похожи на небо прекрасное стали,  
Голос ее так глубоко из сердца раздался, что рыцарь  
Все позабыл и в порыве любви протянул к ней объятья;  
Вскрикнула, вспрыгнула, кинулась к милому в руки Ундина,  
Грудью прильнула ко груди его и на ней онемела.

Свежий утренний луч разбудил новобрачных; блаженством  
Ясные очи Ундины горели; а рыцарь в глубокой  
Думе молчал про себя; всю ночь он видел какой-то  
Странный, мучительный сон: все снилось ему, что хотели  
Бесы его обольстить под видом красавиц, что в змеев  
Адских красавицы все перед ним обращались. Проснувшись  
В страхе, он начал смотреть недоверчиво: тут ли Ундина?  
Нет ли в ней какой перемены?.. Но было все тихо,  
Буря кончилась; полный месяц светил, и Ундина  
Сном глубоким спала, полошивши горячую щеку  
На руку; вольно дышала она, и сквозь сон, как журчанье,  
Шепот невнятный бродил по жарко раскрывшимся губкам.  
Видом таким успокоенный, рыцарь заснул, но в другой раз  
Тот же сон! наконец засияла заря, и проснулись оба.  
Сон рассказавши, рыцарь просил, чтоб Ундина простила  
Страх безрассудный ему. Вздыхнувши, прекрасную руку  
С грустью она ему подала, и ни слова; но сладкий,  
Полный глубокой любовью взгляд, какого дотопе  
Рыцарь в лазоревых глазках ее не встречал, безответно  
Выразил все. С довольным сердцем он встал и к домашним  
Вышел; все трое сидели молча, на лицах их видно  
Было, что тяжело тревожило их ожиданье развязки;

Видно было, что внутренне бога священник молил: да поможет  
Им защититься от козней врага. Но как скоро явился  
С ясным лицом новобрачный, то вмиг и у них просияли  
Души и лица; рыбак и старушка заплакали; к небу  
Взор благодарный поднял священник. Потом и Ундина  
Вышла; они хотели пойти к ней навстречу, но стали  
Все неподвижны: так знакома и так незнакома  
Им в красоте довершенной она показалась. Священник  
Первый к ней подошел; но лишь только он руку, чтоб дать ей  
Благословение, поднял, она ему поклонилась  
В землю и стала прощенья просить в словах безрассудных,  
Сказанных ею вчера; потом примолвила: Добрый  
Друг, помолись о спасенье моей души многогрешной.  
Вставши, она обняла стариков, и то, что сказала  
Им, было так полно души, так было их слуху  
Ново и так далеко от всего, что прежде пленяло  
В ней, не касаясь до сердца, что оба они, зарыдавши,  
Стали молиться вслух и ее называли небесным  
Ангелом, дочкой родною; она же с сердечным смиреньем  
Их целовала; такой и осталась она с той минуты:  
Кроткой, покорной женою, хозяйкой заботливой, в то же  
Время девственно-чистым, божественно-милым созданием.  
Рыцарь, старик и старушка, давно уж привыкнув к причудам  
Детским ее, всё ждали, что снова она, как и прежде,  
Станет проказить, но в этот раз они обманулись:  
Ангелом тихим осталась Ундина. Священник, любуясь  
Ею, воскликнул: Радуйтесь, рыцарь; господь милосердый  
Вам даровал чрез меня, недостойного, редкое счастье;  
Будет добро вам и в здешней и в будущей жизни, когда вы  
Чистым его сохраните. Господь помощи вам обоим.  
Около вечера с нежностью робкой Ундина, взявши Гульбранда  
За руку, тихо его повлекла за собою на вольный  
Воздух.